

Тан Чжаонин не отрывал от него своего черного взгляда, в котором читались горячее желание и собственничество. Он просунул руку под одежду Бай Линшэна, поглаживая его упругую талию, и, заметив, как затуманились глаза партнера, спросил:

— Ты знаешь, кто я?

Бай Линшэн прищурился, посмотрел на него и рассмеялся:

— Грязный хулиган.

Хе, это он запомнил превосходно.

Когда двое мужчин так нежно обнимаются, легко перейти грань дозволенного. Бай Линшэн, что было редкостью, проявил необычный пыл, и, ощутив удовольствие, сам потянулся, чтобы обнять шею Тан Чжаонина.

Господин Тан вам скажет: в такой ситуации сохранять спокойствие — это не добродетель Лю Сяхуэя, это болезнь.

Итак, Бай Линшэн, постанывая, позволил Тан Чжаонину искупать себя поцелуями, пока, наконец, не кончил ему в ладонь. Он лежал, тяжело дыша, с покрасневшим лицом. Но вдруг его сознание прояснилось, и он резко открыл глаза.

«Небеса... Что он вообще творит этим утром...»

Бай Линшэн, как заяц, метнулся с кровати, натянул штаны и с недоверием уставился на Тан Чжаонина:

— Ты же больной!

Тан Чжаонин окинул взглядом его еще не одетый торс:

— На это сил у меня хватит.

В таких делах один в поле не воин. Бай Линшэн, смущенный, не знал, что сказать, и, в сердцах, повернулся, чтобы уйти в ванную. Он прекрасно помнил, что произошло, и воспоминания были довольно яркими. Мысль о своем поведении заставляла его желать провалиться сквозь землю. Ведь он всегда был настоящим активом, это была его сущность.

Но почему он не смог справиться даже с таким слабым, как Тан Чжаонин?

Слишком унижительно.

Бай Линшэн просто окунул лицо в раковину, пуская пузыри, пытаясь забыть все эти стыдные моменты. Но вдруг кто-то подошел сзади, и он резко поднял голову, увидев Тан Чжаонина, стоящего позади и обнимающего его одной рукой, пока другой мыл руки.

Бай Линшэн совсем потерялся, глядя на эти изящные пальцы Тан Чжаонина, которые напомнили ему о недавнем безумии.

— Не волнуйся, я тебя не трогаю, — Тан Чжаонин положил подбородок на его плечо, голос звучал устало. — Но я все же болен, и ты должен заботиться обо мне.

«Ты-то сам знаешь, что ты больной, правда!»

Бай Линшэн хотел прочитать ему нотацию о том, как должен вести себя настоящий больной, но, подумав, понял, что сам утром вел себя слишком развязно, что было еще хуже. Ему стало стыдно поучать других.

Ну что ж, придется смириться.

Итак, Бай Линшэн взял на себя обязанности по уходу за Тан Чжаонином, хотя, по правде говоря, делать особо ничего и не требовалось. Лекарства готовили другие, еду тоже не нужно было готовить, он лишь подавал чашки и сидел у кровати.

Днем он отправился в «Шэнтан», чтобы завершить последние дела, а затем поспешил домой. Только переступив порог, он снова был перехвачен Е Шэн.

Е Шэн не хотела говорить ничего особенного. Тан Чжаонин был нездоров, и она, как мать, беспокоилась, не повторит ли он судьбу своего отца, ушедшего из жизни слишком рано. В ее глазах, раз Бай Линшэн уже спал с Тан Чжаонином, значит, они должны быть вместе всю жизнь, поддерживая друг друга в болезни и здравии.

Сын был еще молод, и матери всегда кажется, что он недостаточно осторожен. Она держала его за руку, наставляя то о заботе за Тан Чжаонином, то о том, чтобы он не ущемлял себя. Бай Линшэн, наконец, усадил ее на стул:

— Мама, я знаю.

Болезни и смерть — это естественная часть жизни. Бай Линшэн считал, что он, человек, вернувшийся с того света, и Тан Чжаонин, вечный больной, в каком-то смысле прекрасно подходят друг другу.

Обретя вторую жизнь, Бай Линшэн решил жить более свободно. Оставаться рядом с Тан Чжаонином, не убегая и не сопротивляясь, было не из-за покорности или безразличия, а скорее из чувства, что весь мир — его дом. Свобода, раскованность, делать то, что хочется, есть то, что хочется. Хотя Тан Чжаонин и был властным, он не слишком вмешивался в его жизнь, лишь отводя пару туч, когда это было нужно. Это чувствовалось неплохо.

Увидев, что сын не проявляет ни капли беспокойства или скрытой печали, Е Шэн успокоилась. Видимо, он действительно любит Тан Чжаонина.

— Линшэн, ты уже взрослый, и мне нечего тебе сказать. Главное, чтобы ты и Чжаонин были счастливы. Но мужчина должен быть ответственным. Чжаонин так заботится о нас, и ты тоже должен хорошо к нему относиться. Когда он болен, не стоит с ним ссориться, понял?

Е Шэн, казалось, намекала на что-то. Бай Линшэн моргнул, подумал, затем посмотрел на свой воротник и с ужасом понял, что она, вероятно, вообразила себе что-то невероятное.

Он поспешно, смешно и грустно одновременно, ответил:

— Мама, ничего такого не было!

— Хорошо, хорошо, пусть не было, — Е Шэн похлопала его по руке. — Чжаонин ждет тебя наверху, иди скорее.

Бай Линшэн действительно хотел заплакать. Этот тон, точь-в-точь как у Тан Чжаонина, был просто издевательством. Что значит «пусть не было»? Вы что, меня утешаете?

Но Е Шэн не стала слушать его объяснений и направилась на кухню проверить, как идет приготовление куриного супа. Бай Линшэн, смирившись, напомнил ей не переутомляться и поднялся наверх.

В комнате Тан Чжаонин все еще спал, лежа на боку, с книгой в руках. Бай Линшэн подошел, поправил одеяло, сползшее до его талии, взял книгу и взглянул на обложку. Ого — «Невинный квартирант и прелестная хозяйка».

Бай Линшэн: ...

Он думал, что тот читает что-то вроде финансовых трудов, а оказалось, что это такие книги?

Любопытство Бай Линшэна разгорелось, и он не смог удержаться. Решив воспользоваться моментом, пока Тан Чжаонин спит, он сел на пол и открыл книжный шкаф у кровати. Правой рукой он взялся за ручку с изображением дракона, чувствуя себя так, будто вот-вот откроет ящик Пандоры.

Что же там за книги?

Полное собрание сочинений Гулуна.

«Тайны мира».

Шерлок Холмс.

Манга «Золотая душа».

.....

Он был прав, это действительно был ящик Пандоры, полный самых разных книг. От нечего делать Бай Линшэн взял мангу, сел на пол, прислонившись спиной к кровати, и начал читать.

Через полчаса...

«Черт, это слишком жестоко. Кто автор? Выходи, обещаю, что убью!»

Бай Линшэн погрузился в пучину печали, как вдруг чья-то рука опустилась на его голову, растрепав волосы.

— Вернулся? — раздался слабый голос Тан Чжаонина.

Рука Бай Линшэна, которая собиралась оттолкнуть его, замерла. Вместо этого он схватил ее, повернулся и, оперевшись на край кровати, посмотрел на него:

— Почему твой голос звучит слабее, чем утром? Тебе снова плохо?

Тан Чжаонин покачал головой, но Бай Линшэн чувствовал, что его ладонь была влажной от пота, а сам он выглядел очень уставшим, его изящные брови слегка нахмурились, и он тихо кашлянул.

Бай Линшэн вытер ему пот и помог сесть, дав немного воды. Тан Чжаонин действительно был слаб, но, несмотря на это, он улыбался, опираясь на плечо Бай Линшэна, и, коснувшись пальцем его межбровья, сказал:

— Не хмурься, Яма не так-то просто меня заберет.

— Ты еще шутишь, — Бай Линшэн снова уложил его, затем вышел и позвал домашнего врача, который временно жил у них. Врач был пожилым мужчиной, выглядел опытным и внушал доверие. Поскольку Тан Чжаонин каждый год в это время чувствовал себя хуже, а в подростковом возрасте однажды чуть не умер, старый врач каждый год приезжал в дом Тан, чтобы быть рядом на случай чрезвычайной ситуации.

Врач внимательно осмотрел Тан Чжаонина и сказал Бай Линшэну, что ситуация не так плоха, как он думал. В этом году все шло лучше, и при должном уходе он выздоровеет за неделю. Главное — следить за ним, чтобы он не вел себя как обычно, а принимал лекарства и отдыхал.

Бай Линшэн записал все рекомендации. Дядя Лу и Сестра Чжу не помогли, видимо, решив полностью доверить заботу о молодом хозяине ему. Когда Бай Линшэн был рядом, они даже не заходили в спальню, принося еду и лекарства только к двери.

<http://bllate.org/book/16590/1516189>